

И.С. Вдовина

Э. Мунье: «Я среди других»

Вдовина Ирена Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: isvdovina@mail.ru

Во вступительной статье анализируются идеи основоположника французского персонализма Эмманюэля Мунье (1905–1950) о человеческой общности («жизни среди других»), которую он считал первичным, фундаментальным свойством человека и главным предметом философии. К изучению «жизни среди других» мыслитель приступил в труде «Трактат о характере», который он начал писать в годы немецкой оккупации в тюремной камере, куда был помещен вслед за запрещением созданного и руководимого им журнала “Esprit”. Главное внимание Мунье уделяет вопросам гуманизма как жизненного опыта общения людей, единства человечества, существующего в пространстве и во времени. Свое исследование он начинает с анализа поведения ребенка и продолжает его до поры взросления человека, отводя здесь главнейшую роль воспитанию, призванному готовить человека к совместной жизни с другими людьми. Основные темы в постижении опыта общения людей вынесены в названия глав книги «Трактат о характере»: «Я среди других», «Отказ от другого», «Использование другого», «Присутствие другого», сокращенный перевод которых представлен ниже. Перевод завершается истолкованием Э. Мунье идеи гостеприимства как готовности одного человека открыть свои двери другому, открыться ему, без чего, считает философ, людское сообщество не сможет выжить.

Ключевые слова: личность, другой, воспитание, характер, диалог, взаимопонимание, ответственность, великодушие, обновление, творчество

Эмманюэль Мунье (1905–1950), основоположник французского персонализма, создавая учение о человеке-личности, центральное значение в нем придавал проблеме общения людей. Чувство человеческой общности он относил к фундаментальным характеристикам личности, считая его «первичным опытом»: «Первичный опыт личности – это опыт “другой” личности. Ты, а в нем и Мы предшествуют Я...» [Мунье, 1999а, с. 479]. В программной работе, написанной в 1934 г., которая носит название «Персоналистская и общностная революция», он писал: «...мы оставляем название “сообщество” только для одного имеющего для нас смысл сообщества, которое является *персоналистским* и которое можно было бы определить как *личность личностей*» [Мунье, 1999б, с. 82]. В книге «Что такое персонализм?» (1947) философ утверждает: «...главное в судьбе человека – не господство над природой,

не наслаждение жизнью, а коммуникация сознаний и взаимопонимание людей» [Мунье, 1994, с. 81]. В одном из последних своих трудов «Персонализм» (1949) он еще раз подчеркнет: коммуникация является «фундаментальнейшим свойством» личности [см.: Мунье, 1999а, с. 477].

В 1942 г. Э. Мунье, помещенный немецкими оккупантами в тюремную камеру, а затем выпущенный на свободу и живущий под вымышленным именем, работает над осмыслением ключевых проблем создаваемого им и его единомышленниками философского учения. Итогом этой работы стало написание объемного труда «Трактат о характере», целью которого было формулирование основных проблем становления человека-личности. Преимущественное внимание мыслитель уделяет вопросу о «жизни среди других» – о гуманизме как жизненном опыте общения людей, их взаимном сопереживании, о единстве человечества, существующего в пространстве и во времени.

Свое исследование Мунье начинает с анализа поведения ребенка и продолжает его до поры окончательного взросления человека. Здесь, считает он, главнейшая роль принадлежит воспитанию, призванному готовить человека к совместной жизни с другими людьми, где царил бы дух человечности. «Общество личностей» – так определяет философ грядущую совместную жизнь людей, каковой, по его убеждению, еще не было во всей Вселенной. В основании этого сообщества лежат следующие «оригинальные деяния» человека:

- 1) выход за собственные пределы и открытость «другому»;
- 2) принятие позиции «другого» в обоюдном согласии;
- 3) взятие на себя ответственности за судьбу «другого»;
- 4) бескорыстное великодушие, «щедрая и безвозмездная самоотдача» «другому»;
- 5) личностная верность «другому», имеющая творческий характер [Там же, с. 480].

Чувство человеческой общности Э. Мунье считал одной из фундаментальнейших характеристик личности, ее первичным опытом: «ты», как и «мы», предшествуют личности и сопровождают ее на протяжении всего жизненного пути; личность, пишет он, перемешивается с «другими», которые обуславливают само ее бытие и ее восхождение. «Личность существует только в своей устремленности к “другому”, познаёт себя не иначе, как через “другого”, и обретает себя только в “другом”» [Там же, с. 479].

По мнению Э. Мунье, обращение к проблеме «другого» стало одним из важнейших завоеваний ведущих теоретиков экзистенциальной философии – атеиста Ж.-П. Сартра и христианского мыслителя Г. Марселя.

Что касается атеистического экзистенциалиста Ж.-П. Сартра, он, отмечает философ-персоналист, исходит из человеческого опыта видения: взгляд «другого» превращает «я» в объект – в объект среди других объектов, не просто в объект, а в объект, лишенный чего бы то ни было, объект, которым обладают. Этот объект, предстоящий перед «я», похищает у него мир; в итоге Сартр осмысливает явление «другого» как несчастье, как конфликт и закабаление: «...взгляд другого *крадет* у меня мир <...> Он отчуждает меня и владеет мною» [Мунье, 2023, с. 90]. Сартр отказывается рассматривать сознание человека («для-себя») иначе, нежели как захватчика и поработителя личности «другого». Именно потому, что у Сартра «несчастье» в общении людей становится всемасштабным, его позиция, утверждал Мунье, дает ему и его соратникам повод для рассмотрения данной проблемы в прямо противоположном смысле; Сартр сам призывал к тому, чтобы его главную позицию «перевернули» [Там же, с. 85].

Прежде чем обратиться к рассмотрению точки зрения Г. Марселя на природу общения людей, приведем следующие слова П. Рикёра о сартровском толковании человеческого бытия: «Не вызвана ли эта ярость по отношению к бытию нехваткой

того, что Габриэль Марсель называет брачной связью человека с жизнью?» [Рикёр, 2002, с. 183].

Позиция Г. Марселя в глазах Э. Мунье, как он сам утверждал, – «совсем иное дело»: «я» помещает себя в отношении к себе самому и к «другому» в аспекте открытости: «Я “открыт” миру и другому, я “готов” к их влиянию без расчетливости и без неопровержимого недоверия» [см.: Мунье, 2023, с. 93]¹.

Г. Марсель предлагает проанализировать некоторые, по его словам, «сильные чувства», обесцененные эгоцентрическим разумом; в частности, он обращается к чувству *восхищения*, которое побуждает человека вырвать себя из себя самого, из мышления о себе самом; в опыте восхищения опыт «другого» предстает как необходимый и благотворный источник обновления и творчества. Эмманюэль Мунье повторяет слова своего единомышленника Мориса Недонселя: «“Ты” есть тот, в ком мы раскрываем себя и благодаря кому мы возвышаем себя <...> Встреча в “мы”... создает вселенную опыта, которая вне этой встречи не обладала бы реальностью» [Там же, с. 96]. Именно такие прямо противоположные позиции Ж.-П. Сартра и Г. Марселя, замечает Э. Мунье, дали мощный толчок к исследованию проблемы «другого».

В «Трактате о характере» Э. Мунье предпринял многоплановое изучение человека-личности, в том числе и присущего ему «чувства общности» с другими людьми. П. Рикёр, продолживший после ухода из жизни основоположника французского персонализма разработку его идей, главную направленность этого произведения видит в синтезирующей исследовательской деятельности: в персоналистском ракурсе в нем обобщены многочисленные данные объективных наук – психофизиологии, психопатологии, психоанализа, характерологии, социальной психологии, «чтобы показать человека укорененным и окруженным со всех сторон» и в то же время, что чрезвычайно важно, «господствующим над средой, которой он принадлежит». Мунье не замыкает характер рамками того, что дано человеку; «он стремится показать, каким образом утверждающее себя “я” овладевает собственным характером... и с помощью ценностей стремится к исполнению собственного смысла». Для него «характер – это другое название личности, когда она стоит лицом к лицу с науками о человеке и заявляет о своей способности одновременно соединять вместе все выводы антропологического познания и преодолевать их» [см.: Рикёр, 2002, с. 175–177].

Глава IX «Трактата о характере», имеющая название «Я среди других», включает в себя краткое введение и следующие разделы: «Отказ от другого», «Использование другого», «Присутствие другого», «От приятия другого к драматичности другого», в которых философ намечает основные темы в постижении опыта человеческого общения. Перевод этих разделов на русский язык (с некоторыми сокращениями) представлен далее.

¹ Анализируя позицию Г. Марселя, Э. Мунье ссылается на его работы: “Être et Avoir”, “Du refus à l’invocation”, “Homo Viator”.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эмманюэль Мунье

Трактат о характере (фрагменты)

Я среди других¹

Одно из фундаментальных правил поведения, согласно Жане², состоит в том, что мы поступаем по отношению к нам самим так же, как по отношению к другим. Вообще-то, мы ведем себя по отношению к себе так же, как и по отношению к реальности. Во всяком случае, человеческая среда для нас – это привилегированная Вселенная, единственная, где мы не являемся чужаками. Хрупкая как стекло, она в то же время и самая естественная из всех сред и самая опасная для психического равновесия, если иметь в виду ее сложность и ее бесконечные вызовы.

Такая исключительность утверждается с самого начала сознательной жизни человека. Внимание к человеческому присутствию – это первейшая заинтересованность, какую проявляет ребенок по ту сторону своих инстинктов. Он цепляется за него прежде, чем заинтересуется вещами или собственной персоной. Другой мужчина или другая женщина, окруженные теплым чувством доверия, – таков опыт, предшествующий любому иному опыту в пробуждающемся сознании. Это предшествование имеет глубокий смысл: первое движение личностной жизни есть не сосредоточенность на себе, а движение к другому. Оно поддерживается в течение первых лет. Если эгоцентрический кризис и окончательное овладение своим «я» происходят к трем годам, то в следующий период жизни наблюдается максимально частое реагирование на ближнего: движения к другому, как говорит нам статистика (согласимся с ней с некоторой оговоркой), случаются в четыре раза чаще, чем в предшествующий период, и в три раза чаще, чем в следующий за ним. В этом устремлении к «неудержимой социальности» (Валлон³) ребенок бесцеремонно обращается к первому встречному, в то время как при столкновении с новыми вещами он словно цепенеет. Его улыбка рождается от встречи с человеком и только с ним. Но она меркнет перед весьма похожими друг на друга индивидами. Как бы то ни было, другие люди остаются для него только набором образов, слабо связанных друг с другом и в силу этого вызывающих чувство смутной тревоги, которое определится позже и зафиксируется в некоторых ощущениях. Они не обладают еще такой плотностью, которую мы позже припишем характеру, или биографии. Как любые детские «не-я», они плохо различимы в объединенных восприятиях. Ребенок, если надо, обходится без их реального присутствия, чтобы создать ситуацию на двоих: он делает из палки лошадь, а из тряпки – куклу. Его язык выдает такую же неуверенность: он употребляет многозначные слова по отношению к самому себе и к другим, ведет диалог с самим собой и перекладывает свою ответственность на существа более или менее выдуманные, говорит о себе в третьем лице. Тем не менее между ним и другими существует подлинный диалог, который предшествует более

¹ Перевод выполнен по изданию: Mounier E. *Traité du caractère*. P.: Editions du Seuil, 1947. P. 468–471, 473–483, 483–484, 494–495, 513–521. – *Примеч. пер.*

² Жане Пьер (1859–1947) – французский психиатр и психолог, автор труда «Сложности социальной личности» (1937) и др. – *Примеч. пер.*

³ Валлон Анри (1879–1962) – французский психолог, нейропсихиатр, педагог, общественный и политический деятель, автор работ «Психическое развитие ребенка» (1941), «От действия к мысли» (1942) и др. – *Примеч. пер.*

жестким социальным позициям отпора, противостояния, подражания: представляется, будто человек в своем развитии неизменно обладает привилегией включать в свой репертуар самые богатые ноты уже до того, как начнет играть гаммы. Можно даже сказать, что ребенок прежде всего обнаруживает себя в другом: он опознаёт нос и ухо своей матери или своей куклы до того, как опознает их в собственном теле; он опознаёт себя в собственных позах, которые внушает ему взгляд другого: отпор или препятствие он опознаёт до того, как воспринимает себя в качестве непосредственно наблюдаемого физического объекта. Нельзя сказать, что он узнаёт «общество» до того, как распознает самого себя: ведь все, что он при этом схватывает, не является объективированной целостностью других, выставленной перед ним в качестве вещей. Это – жизненное отношение: я-среди-других, я по отношению к другому и другой по отношению ко мне. Таким образом, как показал Болдуин⁴ (Baldwin), ребенок сначала открывает свою субъективность как живущую коллективно, в отношениях со средой; он постигает собственную проективность до познания собственной субъективности и объективности как таковой. Об этом свидетельствует простой факт: ребенок на этой первой стадии прекрасно понимает, что этот человек – его брат, и тот – тоже; но он не понимает, что второй и третий также являются братьями друг другу. Иначе говоря, ребенок понимает слова «мой брат», но не понимает, кто такой «брат» сам по себе. Психология от первого лица – это естественная психология духа, и такая истина никак не противоречит той истине, что понимание другого есть первичный факт личностного сознания: напротив, обе истины взаимосвязаны.

После такого отважного скачка к границам общества ребенок сосредоточивается на своего рода дополнительной операции. Он должен укрепить свои границы на окраинах этих огромных миров, в которые приходит, чтобы изучать их; впрочем, они угрожают полностью овладеть им. Здесь мы видим зарождение реакций на столкновения с другим: к девяти месяцам – зависть, затем хвастовство, избирательное подражание, стыдливость, а к трем годам – чувство исключительности в обладании. Осознание другого, осознание реальности, осознание тела, осознание «я» будут развиваться неразрывно, поддерживая друг друга и предпринимая одни и те же ложные шаги – настолько верно то, что личность не является отшельником, роющим свою пещеру в обширной вселенной, она – живой вихрь, несущийся по пещере, чтобы, подобно ветру, завладеть ею. Не иначе как с намерением строго следовать указаниям нашего собственного опыта мы, прежде чем рассуждать об утверждении собственного «я», размышляем об обустройстве индивида в реальной среде и в человеческом сообществе.

Однако мы вовсе не уподобляемся тем психологам, которые, подобно Джеймсу⁵, Болдуину, Дж. Ройсу⁶, Ш. Блонделю⁷, либо сводят индивидуальную персональность к социальным персонажам, либо делают ее столь зависимой от социальности,

⁴ Болдуин Джеймс Марк (1861–1962) – американский психолог, философ, социолог, историк, один из основателей психологии личности и социальной психологии в США; автор труда «Духовное развитие с социологической и этической точки зрения. Исследование по социальной психологии». Т. 1, 2 (1897) и др. – *Примеч. пер.*

⁵ Джеймс Уильям (1842–1910) – философ и психолог, один из основателей и ведущих представителей прагматизма и функционализма в США; автор трудов «Психология» (1892), «Прагматизм» (1907) и др. – *Примеч. пер.*

⁶ Ройс Джосайя (1855–1916) – американский философ; в центре его внимания понятие «лояльность», которую он понимает как личную приверженность определенной цели: быть лояльным означает свободное избрание человеком общественно значимой цели и практическое осуществление ее собственными действиями; автор труда «Философия лояльности» (1914) и др. – *Примеч. пер.*

⁷ Блондель Шарль (1876–1939) – французский психолог, последователь Э. Дюркгейма и А. Бергсона, специалист по социальной психологии. Главный труд ученого – «Введение в коллективную психологию» (1929). – *Примеч. пер.*

что формы личностной жизни приобретают вид болезненного вырождения. Заслуга этих авторов состоит в выявлении, вопреки солипсистским психологиям, сущностного аспекта жизненного опыта. Однако, преобразуя этот опыт, по-прежнему остающийся личностным, в опыт объективный, они искажают его значение. Действительно, я схватываю реальность и другого прежде, чем схватываю себя самого; я сохраняю свою психическую монолитность, если остаюсь тесно связанным и с реальностью, и с другим. Но именно я участвую в двух этих опытах, благодаря чему подтверждаю себя самого. Без этого «я» другой был бы не близким присутствующим, он распадался бы на части, обособленные от социального устройства. Сами вещи были бы уже не предметами, чудесами, брошенными нам вызовами, а индифферентной материей и стремились бы превратить Вселенную в нечто абсолютно безразличное. Когда человек возвышает свой опыт до отношения личности к личности, ему на деле не до отношений с вещами, которые не получают от него новой формы.

Сознание о другом, как и сознание о реальном, есть сознание интенциональное – не точечное и сосредоточенное, как жизнь паука в нитях его паутины, а выходящее за пределы, прогностическое, проницательное, всегда погруженное в живую Вселенную и вместе с тем наступательное. Оно то раскрывается навстречу своего рода социальному анаболизму и питается той средой, сквозь которую проходит, так или иначе заражаясь истомой такого рода пищеварения; то впадает в состояние катаболической активности и предупреждает, атакует, утверждает себя. Сознание, направленное на самоё себя (introjective), и сознание, устремленное вовне (ejective), сотрудничают в опыте общительности. Первое – единственное, что желают познать психологии, сводящие личностную жизнь к пассивному усвоению социальных отношений. Второе же непременно противостоит ему. В общем, можно сказать, что ребенок нуждается в том, чтобы его любили и понимали, а взрослый человек – в том, чтобы самому любить и понимать. И вот что еще следует уточнить: речь идет о взрослом, который действительно является таковым, – ведь инфантильность свойственна многим, она одновременно означает и эгоцентрическую устремленность, и зависимость от другого. Пассивное социальное поведение является более ребяческим; активное же поведение указывает на более продвинутое развитие. До пяти лет ребенок усваивает все исключительно из семейной среды, постоянно ограничиваясь в своем кругу непосредственными реакциями. Но вот наступает школьный кризис: круг знаний и авторитетов в глазах ребенка значительно расширяется, и его новые впечатления вступают в конфликт с семейными авторитетами, не считая тех случаев, когда семейная жизнь уже не является всецело нормальной; школа помечает период первых социальных затруднений, если социальные контакты устанавливаются с трудом. Затем все улаживается. В большинстве случаев период от семи до одиннадцати-двенадцати лет – это время прекрасной социальной гармонии. Ребенок мало занимается самоанализом и, напротив, очень интересуется тем, что происходит вовне; все чаще он предпочитает окружение более широкое, чем прежде, сравнительно узкое, а потому его привлекают не только юношеские инициативы и школьные начинания, но порой и более неопределенные сообщества, возникающие вокруг детских журналов. К девяти-десяти годам высвечивается понятие другого как автономного индивида. Вместе с половой зрелостью – между тринадцатью и пятнадцатью годами – наступает новый период в сосредоточенности на себе самом: наблюдается быстрое снижение вовлеченности в коллективные игры, возрастает нерегулярность участия в молодежных движениях; это – критический момент в семейных конфликтах и в антисоциальных реакциях: пик преступности у молодежи – тринадцать лет у девиц и пятнадцать лет у юнцов. С половой зрелостью все еще более усложняется. Персональность, которая будет отстаивать свои сущностные позиции вовне, намечает попятные движения, сопровождающиеся проявлениями

застенчивости, вопреки всем традициям и условностям. Между тем подросток в своем всестороннем развитии поддерживает вместе с тем и противоположный регистр: он живо реагирует на судьбы всего того, что его окружает, когда окружение не притесняет его чувствительность; семейные чувства в этот момент достигают максимума своей теплоты. Это возраст, когда зависть минимальна, а благородные чувства особенно оживлены. Как и раннее детство, половая зрелость предстает в своих колебаниях, когда личность в существовании «я-среди-других» лихорадочно мечется от одного полюса к другому, пока наконец не утвердится между ними <...>

Переход от отрочества ко взрослому состоянию должен фиксировать окончательное возобладание многообразной и активной катаболической социальности по отношению к социальности анаболической – ограниченной и пассивной. Эта последняя отнюдь не исключается: взрослый, как и ребенок, должен вначале пропитаться новой средой, в которую он проникнет благодаря собственной предваряющей инициативе. При этом его нормальная реакция должна быть такой: одновременно и вовлечение, и выход из вовлеченности.

Отказ от другого

То, что мы сказали выше о сопротивлениях, которые нужно преодолевать, помещает движение к другому на одной из линий подъема психической жизни. Эти сопротивления определяют также самые элементарные его условия. Такое движение требует отклика на присутствие другого, которое, при прочих равных условиях, связано с эмоциональностью, и активности, достаточной для того, чтобы отвечать на многочисленные вызовы, которые содержат в себе социальные отношения. Асоциальные люди, как правило, ничем не мотивированы, не активны <...>

Следует ли говорить о слепоте по отношению к другому, как говорят о «слепоте к личности»? Да, если устойчивы соответствующие психические образования. Однако в них нет ничего изначального, и хотя таких слепцов можно пожалеть, бывает и так, что они попросту сами не хотят видеть. Представляется даже, что сугубо личностная жизнь требует одновременно и больших способностей, и больше социальных шансов, чем этого требует открытость другому. Последняя присуща самым неотесанным натурам, она живет среди наиболее обездоленных. Проблема невежества была поставлена не относительно другого, а в связи с отношением к истине и добродетели. И если уместно говорить о непреодолимом незнании истинного и, может быть, о непреодолимом незнании благого в некоторых неблагоприятных ситуациях, то такое изначальное невозможно по отношению к другому, за исключением разве что редких случаев. Всякая негативная социальная позиция содержит в себе некую форму ответственного отказа⁸. Часто потрясение, перенесенное в детстве, создавало подходящие условия: исключительная привязанность к матери приводит к женственной пассивности или к сосредоточенности на семейном окружении, к неприязни по отношению к отцу, с которым связывают любое социальное давление <...>

Первый уровень отказа от другого находит выражение в недоверии. Случается, что его принимают за полудобродетель. Оно еще не является враждой, однако отвергает естественное движение внимания и симпатии. Для того, кто ему не доверяет, другой *изначально* является синонимом не обещания, а угрозы. Непосредственно он даже еще не персонализирован: он затерялся в вызывающей беспокойство массовности иного, смутно осознаваемого как идущая извне опасность.

⁸ М. Пруст в романе «Под сенью девушек в цвету» (1919) упоминает, например, о светском отказе в контакте с другим, о защите от тайнства окружающей жизни.

Схватывание другого как опасности, направленной на «я» (кульминационный момент у параноика), повсеместно и весьма примитивно. Оно выражает реакцию инстинктивной защиты «я» перед лицом опасности, или просто-напросто приспособляемость, какую вызывает присутствие другого, а также чувство виновности при отказе от агрессивности или внутренне ощущимой ответственности. Повседневная болтовня находит в этом смысл. Она является самым мощным препятствием, с каким встречается становление другого, а также эмоциональной блокировкой общения людей и колоссальным упрощением богатого разнообразия их намерений.

Сердце отвечает недоверием так же, как тело – отвращением. Уже отмечалось⁹, что одни и те же предметы и запахи, идущие от другого и вызывающие отвращение, воздействуют иначе, если исходят от нас, и даже вызывают у нас интерес, как если бы наше тело органически любило себя и отвергало тело другого, так как страшится его. Рана не вызывает отвращения у хирурга, поскольку она является для него не раной *конкретного человека*, а абстрактным объектом телесного разрыва и привычных движений. Отвращение направлялось бы на то, что угрожает не опасности, а неприкосновенности: животные, которые вызывают отвращение, не являются самыми опасными; они более всех способны устанавливать без нашего ведома самый тесный контакт с нашим телом. Отвращение исчезает лишь вместе с примитивным сознанием и усиливается у больных, подверженных чувству превосходства.

Между тем привычное недоверие более значимо, чем элементарная защитная реакция. Это не столько инстинктивный спазм, сколько человеческая скупость. Оно отказывает другому в том человеческом доверии, которое является своего рода почитанием, предвосхищающим великодушные <...>

Отказывать в доверии – значит отказывать не только в чувствах, но и в эффективной помощи. Недоверие не есть пронизательность, какой оно только притворяется; недоверие – это скупость, адресованная другому. Часто наблюдаемое у психастеников, оно раскрывает скорее их психическую опустошенность, нежели их злую волю.

Использование другого

Я могу создать видимость того, что согласен на существование другого, и вместе с тем буду сводить его либо к услужению моему существованию, либо к такому способу бытия, которое практически является отрицанием преимуществ личностного существования.

По меньшей мере, столь же распространенной, как надобность в бегстве от мира, является потребность бежать в мир: «мир» в библейском понимании данного слова – это другой, лишенный его реальности ближнего и превращенный в объект развлечения. Для молодой матери-кокетки ее дитя есть одна из безделушек; для самонадеянного мужа его жена представляет собой приятное украшение, элемент его социального престижа: красавица, она наполняет его дни редким чудесным очарованием, которое привносит в повседневную жизнь частицу роскоши. Сколько человек несется вперед, чтобы оказаться среди людей, удерживая их, даже самых близких, в промежуточной зоне между неведением и безразличием, где они распыляются как автономные личности! Шумная и пестрая толпа людей – это

⁹ Wallon H. Stades et troubles du développement psychomoteur. P. 271. У Сартра липкость (le visqueux), этот объект физического и онтологического отвращения у героя «Тошноты», является вместе с тем притягательной возможностью для свободы. Другой в таком случае предстает сильнейшим влиятелем. (См. также о смысле липкости в: Сартр Ж.П. Бытие и ничто. М.: Республика, 2000. С. 606. – Примеч. пер.)

огромная ярмарка, где легче всего затеряться. Отношения между людьми предоставляют кому-то обширное поле алиби, где будут искать чего-то неожиданного для себя: удивлений, сочувствия собственным слабостям, тем для сплетен, возбуждающих интриг, легковесных скандалов, едва уловимого бесстыдства, зарождающейся злобы, волнений, дающих неблагодарному сердцу иллюзию чувства, а пустой голове – иллюзию разумности. Пруст отмечает, что большинство наших любовей чаще всего бывают любовью к паническому бегству; родившиеся от тоски, вызванной одиночеством, наши любви живут не столь уж сильной тоской по очаровательному объекту, который скрывается и которого преследуют. Политик чаще всего ищет у людей коллективного развлечения такого же порядка; он требует от своей публики откликов и эмоций, которые сам по себе, пребывая в одиночестве, не смог бы себе предоставить; он опьяняется громогласием толпы, ее своенравным беспокойством и не всегда уверен в том, что внушает обязательства живой веры и общности тем, кто марширует плечом к плечу с ним.

Так рождаются возбуждение и волнение, которые вызывает вокруг нас движение людей. Изучал ли кто-нибудь, какое место занимают пересуды в жизни обычного индивида? Они создают псевдосообщество повседневного пустословия, описанное Хайдеггером, где существование партнеров является всего-навсего болтовней. Мы утрачиваем в таком существовании само желание и способность понимать других, а вместе с этим и глубинное отношение к самим себе...

Присутствие другого

Формы поведения при бегстве от другого, как и те, что явно отказывают ему в его привилегии быть автономным, раскрываются перед нами в самых простых формах. Присутствие другого, прежде чем обзавестись всяческими суперструктурами социальности, схватывает нас простейшими способами.

Одной из наиболее интересных и, может быть, самой привычной в интерпсихологии является чувствительность по отношению ко взгляду другого. Она хорошо заметна уже у новорожденного, который под ее воздействием испытывает радость от движения¹⁰. Но довольно часто бывает так, что едва брошенный взгляд затормаживает и запугивает¹¹: у слабоумного он вызывает судорожный гнев; застенчивый под его воздействием напрочь утрачивает психическую и двигательную способности <...>

Мы удивляемся простейшему замешательству перед первыми вызовами социального факта. Тот, кто вступает в поле моей деятельности, является для меня одновременно и угрозой, и обещанием: инстинкт прежде всего реагирует на угрозу. Его спонтанные реакции незначительны и быстро устраняются <...>

От приятия другого к драматичности другого

Властность индивида такова, что труднее всего заставить его признать за человеком как таковым разностороннее и целостное существование, признать другого человека наделенным такими же привилегиями, что и он сам. Фрейд напрасно полагает, что «я» предстает перед любым объектом с единственным изначальным требованием – нарциссическим и эгоистическим. Хотя такая точка зрения является

¹⁰ Wallon H. Les origines du caractère chez l'enfant. 1934.

¹¹ Появление другого часто провоцирует беспокойство у душевнобольного. Тот вступает в контакт, лишь немного успокоившись.

односторонней, нельзя игнорировать лежащее в истоке личности существование исходной нетерпимости к другому. Будучи пассивной, она выдает себя возбуждением, которое вызывают в нас отличия характеров у людей, с которыми мы соприкасаемся; когда два человека ненавидят друг друга, под стечением обстоятельств почти всегда обнаруживается противостояние их темпераментов. Активная агрессивность поддерживается нескончаемой критикой, завистью, ревностью <...>

Смысл другого обусловлен общей приспособляемостью к реальности. Другой – это всегда иной: реакция на притеснение является прекрасным испытанием приспособляемости; всякая коллективность более или менее спонтанно воссоздает ее. Чувство другого, собственно говоря, начинается лишь с уважения другого, но разве то, что уважают в другом, не есть то же самое, что уважают в себе? Таким образом, это чувство пропорционально той ценности, какую приписывают таинству человека. В другом нам нечего открывать, он не является тем всякий раз чудесным открытием, каким живут святые, поэты и простые сердца, если я свожу самого себя к механизму, у которого нет тайны, если я сам никому не обещаю чего-то непредвидимого. Так что пристрастие к психологическому анализу ни в каком случае не является надежным критерием чувства другого. Оно может быть лишь стремлением расчлнять и соединять. Оно может соединяться с самой что ни на есть беспощадной деперсонализацией предмета изучения. Но чувство таинства, которое мы этому противопоставляем, означает не обманное затушевывание проблем, а прямое признание существующего под этими проблемами их неисчерпаемого центра. Смысл другого неотделим от смысла интериорности. Другой – это *равный мне*, это «другой я-сам» <...>

Открытость сознания благоприятствует открыванию «я» перед другим, децентрализации «я» (встать на место другого). Узость взглядов (например, у легковозбудимых, у астеников), напротив, ограничивает ее. Эгоцентризм является здесь одновременно причиной и следствием. Именно для того, чтобы заблаговременно заполучить приспособляемость к другому, личность зачастую замыкается в себе либо чрезмерно изворачивается. Экстраверсия, как представляется на первый взгляд, ведет к полной свободе. Она является мощным двигателем в жизни общества. Однако, побуждая нас отступать к самым нашим окраинам, она ставит между нами и другими экран, состоящий из детерминаций, отношений, иллюзий и болтовни, что замораживает собственную зону контактов и блокирует интерсубъективные обмены с помощью общественных развлекательных мероприятий.

Адлер¹² справедливо подчеркнул первостепенное значение семьи и – особенно – материнского влияния в эмоциональном зарождении чувства общности. Мать для ребенка является первым *alter ego*, моделью, с которой сопоставляются и к которой прививаются все иные человеческие отношения. Ее весомость грандиозна: она почти полностью распоряжается аффективным будущим своего ребенка, является зеркалом, у которого он научается всевозможным формам любви. Хорошо известно, что большинство мужчин являются таковыми благодаря своей матери. При всей своей скромности, мать – это бесценный исток культуры.

Семья, семейная обстановка оказывают сильное воздействие на зарождение чувства другого. Впоследствии в общих радостях либо тяготах эгоцентризм, по-видимому, ослабевает. Долговременное переживание сообщая надежд или несчастий может вести к такому же результату. Напротив, люди, чье существование опирается на скромные радости или незначительные невзгоды, замыкаются в себе <...>

Если теперь мы возьмемся выявлять внутренние структуры чувства другого, нам следует избегать поспешных решений. Простое эмоциональное проникновение

¹² Адлер Альфред (1870–1937) – австрийский врач и психолог, автор работ «Теория и практика индивидуальной психологии» (1920), «Человековедение» (1927), «Смысл жизни» (1933). – *Примеч. пер.*

(Einführung) будет здесь весьма неустойчивым и ненадежным в создании межличностного отношения. Глупцы думают, что глупы все остальные, и большинство разумных людей сходны с ними. Здесь следует говорить об интроекции и ее особом случае – идентификации, когда субъект считает, что он является душой той или иной группы или, напротив, чужд ей («У меня болит ваша грудь»¹³).

Персональность гораздо полнее участвует в наших отношениях с другим...

Поверх всех сил, идущих от инстинкта, среды, эмоциональности, активности, побуждающих к объединению с другим, первейшее место должно быть отведено ни к чему не сводимому чувству доверия человека человеку. Оно рождается весьма рано из ничем не обусловленного доверия ребенка ко взрослому, которое предшествует даже примитивному чувству зависти. Но в пору детства, весьма уязвимого для аффективных травм, оно оказывается обманутым <...>

Мы подошли к той точке, где завершается интерпсихология, эта наука о межличностных отношениях, и начинается психология коллективная.

Первичные факты коллективной психологии таковы: согласованность или эмоциональная заразительность, сознательное копирование, симпатия, сотрудничество. Два первых мы уже исследовали. Симпатия, которую мы назвали открытостью другому, есть нечто иное, нежели бессознательное аффективное слияние (*Einführung*) или внешнее подражание: симпатия состоит в воссоздании в нас состояния другого как другого без того, чтобы мы стали точно таким же, как он¹⁴.

Дух сотрудничества был исследован, в частности, с помощью тестов Хеннига¹⁵. Можно выделить три соответствующие установки.

Одни не умеют работать с другим. Порой это является второстепенным для их отличительных свойств, таким, что о них говорят, будто они принимают за недостатки качества, которых у них и нет, и за ошибки в убеждениях, которых они и не разделяют. Такого рода особенности, согласно Джине Ломброзо¹⁶, могут быть у женщины, которая охотно пренебрегает всеми теми, кто отличен от нее: это делает весьма трудным сотрудничество между женщинами. Порой такая неспособность проистекает из напряженно-ожесточенного отношения трудящегося к своему делу; он относится к нему так, как если бы это была добыча, и даже в мельчайших деталях отказывается быть здесь помощником, убежденный в своей старательности, которой никто, кроме него, не может обладать. Наконец, следует собрать вместе такие анархические умы, в которых тенденция систематического противостояния приходит в действие без каких бы то ни было мотивов. Их разногласие может приобрести активный оборот, как это бывает у задира, которым нравится мешать работе другого.

Иные, напротив, обладают позитивной потребностью в помощи другого, и коллективная работа идет много лучше, чем работа в одиночестве. Они могут включаться в нее двумя способами. Одни главенствуют над своими партнерами; сотрудничая, они удовлетворяют очевидную потребность вмешиваться и управлять. В простом вмешательстве они играют роль суесящихся, барахтающихся в шумегаме, договариваясь при этом оставить самую трудную задачу своим партнерам и удовлетворяясь тем, что, не затратив усилий, разделят с ними радость победителей. Будучи более активными, они присваивают себе инициативу: в общей работе они

¹³ Это цитата из письма госпожи де Севинье ее больной дочери. Приводится Бергсоном в работе «Смех». – *Примеч. пер.*

¹⁴ Max Scheler. Nature et forms de la sympathie.

¹⁵ Ханс Хенниг (1885–1946) – немецкий физиолог и психолог. В начале «Трактата о характере» Э. Мунье ссылается на французский перевод его работы: “Tests de caractère. Nouveaux appareils et méthodes à deux personnes” (1929). – *Примеч. пер.*

¹⁶ Ломброзо Джина (1872–1944) – итальянский врач, психиатр и криминолог, писательница. – *Примеч. пер.*

сводят на нет инициативу соучастников; они вовлекают их в общую работу исключительно для того, чтобы поупражняться в мастерстве, покорить их волю. Но на деле они способны получить помощь не более тех, кто от нее отказывается <...>

Вся социальная психология может быть обновлена и соединена с психологией личности через бергсоновское разделение обществ на закрытые и открытые¹⁷. Обычный человек считает закрытые общества своей гармоничной средой. Все те, кто психологически тяготеет к объективации другого, отдают им предпочтение. Рутинеры, консерваторы или сторонники революций в соответствии со средой и принципами, которые их сформировали, опасаются спонтанности человека как силы, которая от них ускользает, поскольку они знают ее по личному опыту; их интересуют лишь механизмы, которые могут либо ею управлять, либо ей противостоять. Обескураженный или дезориентированный человек, переживший долгую вереницу неудавшихся опытов, без сопротивления поддается коллективным гипнозам, которые шаг за шагом сближают социальную группу с толпой или шайкой; вызывая у него желание подчиняться, она понуждает участника, его сознание и волю к капитуляции¹⁸. Человек ресентимента, как назвал его Шелер, напротив, настроен на отрицание всякой социальной нормы, поскольку какая-то из них травмировала его еще в детстве. Его страдание часто вызывает к мести, но в силу своей избыточности оно навсегда запрещает ему представлять себе общество разумное, наилучшее. Анархистские темпераменты формируются у невротиков, переживших трудное детство; по отношению к социальным явлениям они всю жизнь остаются неприспособленными подростками, которые могут думать об автономности индивида лишь в постоянно тревожном противостоянии любому сложившемуся обществу <...>

Элементарной и вместе с тем характерной для открытого общества чертой, несомненно, является гостеприимство. Эта готовность открыть свою дверь как другу, так и иностранцу, не думая о приличиях, возмещении убытков или осмотрительности, была столь успешно подавлена, начиная с создания наших «цивилизованных» обществ, что, вероятно, является самым ярким признаком полицейского варварства, в плену которого мы оказались. Гостеприимство является гораздо более избирательным критерием открытости другому, чем критерии, предложенные Хеймансом¹⁹. Оно характеризует не только индивидуальные позиции; любое общество, озабоченное тем, чтобы не замыкаться в себе самом, внимательное к своим устремлениям, к своей самобытности и непостижимости, считая их условием соответствия своему времени и своему месту, будь то семья, спонтанно возникшая группа людей или нация, наделяет своих членов свободой духа, которая не только не препятствует общественной солидарности, а посылает обществу приток воздуха, без чего оно задохнулось бы.

Список литературы

Мунье, 1999а – Мунье Э. Персонализм / Пер. с фр. И.С. Вдовиной // Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 458–538.

Мунье, 1999б – Мунье Э. Персоналистская и общностная революция / Пер. с фр. В.М. Володина // Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 13–264.

¹⁷ Две модели социальности – закрытое общество и открытое общество – Анри Бергсон (1859–1941) рассматривает в труде «Два источника морали и религии» (1932). – *Примеч. пер.*

¹⁸ Этот процесс прекрасно описан, в частности, Фрейдом, рассуждающим о Добре в работе «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921).

¹⁹ Герардус Хеймас (1857–1930) – голландский психолог, создавший одну из первых типологий темпераментов. – *Примеч. пер.*

Мунье, 1994 – Мунье Э. Что такое персонализм? / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994.

Мунье Э. Введение в экзистенциализмы / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2023.

Рикёр, 2002 – Рикёр П. История и истина / Пер. с фр. И.С. Вдовиной, О.И. Мачульской. СПб.: Алетея, 2002.

E. Mounier: “Me Among Others”

Irena S. Vdovina

Appendix: Emmanuel Mounier.

Treatise on Character (fragments)

Translation and commentaries by Irena S. Vdovina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: isvdovina@mail.ru

The introductory article analyzes the ideas of the founder of French personalism, Emmanuel Mounier (1905–1950), about human community (“life among others”), which he considered to be the primary, fundamental property of man and the main subject of philosophy. The thinker began to study “life among others” in the work “A Treatise on Character”, which he began to write during the years of the German occupation in a prison cell, where he was placed following the prohibition of the *Esprit* magazine he created and directed. Mounier pays special attention to the issues of humanism as a life experience of human communication, the unity of humanity existing in space and time. He begins his research by analyzing the behavior of a child and continues it until a person grows up, assigning the main role here to education, designed to prepare a person for living together with other people. The main topics in understanding the experience of human communication are included in the titles of the chapters of the book “A Treatise on Character”: “I am among others”, “Renunciation of the other”, “Use of the other”, “Presence of the other”, the abbreviated translation of which is presented below. The translation ends with E. Mounier’s interpretation of the idea of hospitality as the willingness of one person to open their doors to another, to open up to him, without which, the philosopher believes, human society cannot survive.

Keywords: personality, other, upbringing, character, dialogue, mutual understanding, responsibility, generosity, renewal, creativity

References

Mounier E. Personalizm [Personalism], trans. by I.S. Vdovina. In: Mounier E. *Manifest personalizma* [The Manifesto of Personalism]. Moscow: Respublica Publ., 1999, pp. 458–538.

Mounier E. Personalistskaya i obshchnostnaya revolyutsiya [The Personalist and Communitarian Revolution], trans. by V.M. Volodin. In: Mounier E. *Manifest personalizma* [The Manifesto of Personalism]. Moscow: Respublica Publ., 1999, pp. 13–264.

Mounier E. *Chto takoe personalizm?* [What is Personalism?], trans. by I.S. Vdovina. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury Publ., 1994.

Mounier E. *Vvedenie v ekzistentsializmy* [An Introduction to Existentialisms], trans. by I.S. Vdovina. Moscow: Centr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2023.

Ricoeur P. *Istoriya i istina* [History and Truth], trans. by I.S. Vdovina, O.I. Machul'skaya. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2002.